

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ сцена — и эстрада. Шедевры оперной музыки — и то, что называется «легким жанром». Возможно ли подобное сочетание? Нет ли здесь профанации искусства? Народному артисту СССР Дмитрию Гнатюку нередко приходится слышать что-то подобное. Не устояли против «искушения» и мы.

— И в нашей стране, и за рубежом вы очень часто выступаете с эстрадными программами. Не становятся ли такие концерты помехой в вашей основной работе на оперной сцене? — с этого вопроса началась беседа с Дмитрием Михайловичем.

— Напротив, «песенные» концерты, на мой взгляд, расширяют вокальные возможности певца, обогащают арсенал средств художественной выразительности. Если оперный артист замыкается в рамках «академически-оперных», он неизбежно сужает и свою творческую палитру; и аудиторию, для которой творит. Кроме того, работа в песенном жанре помогает интенсивнее чувствовать пульс сегодняшнего дня. А это очень важно. Только об-

ний народа, прежде всего молодежи, нельзя! Песня может быть внешне актуальной по теме, самой эффектной в вокальном отношении и все же погибнуть от «кислородного голодания» при отсутствии широкого резонанса в народе.

— Что же, по-вашему, «гарантирует» этот резонанс? Известны песни удивительной, легендарной судьбы. «Марсельеза» Руже де Лиля, родившаяся в канун решающих битв французской революции. «Варшавянка» и «Смело, товарищи, в ногу», сражавшиеся на баррикадах Великого Октября, «Священная война» — клятва миллионов в Великой Отечественной... Где секрет могучей действенности таких песен?

— В народности — иначе не скажешь. Песня вобрала, укрупнила настроение народных масс, стала как бы аккумулятором их чувств. Поэтому народ идет за такой песней и на подвиг, и на смерть.

Кстати, наряду с героической песней спланирует людей и лирическая. Скажем, наша украинская «Че-

дах отражает, объясняет жизнь, в ней звучит голос миллионов. Это первое условие, чтобы именоваться народной.

— Кстати, о массовом бытовом исполнении песни. В нем в последнее время распространены два явления: стилизация под старинных крестьянских певцов и, напротив, пение народных мелодий в сугубо современной эстрадной манере. Ваше отношение к этому?

— Любая подделка отталкивает. По-моему, безуспешно пытаться исполнять современную песню в стиле старинного романса или «кобновлять» прошедшую сквозь века мелодию модными ритмами. Старые песни живы, так как неувядаемо живущее в них сердце народа.

— Немного о современной манере исполнения, пожалуйста. Из года в год поиски в этой области меняют направление: от афишируемой «непринужденности» до художественного аскетизма. Что, с вашей точки зрения, наиболее приемлемо?

— Тут главный критерий — естественность, художественная оправданность творческой манеры и выразительного приема. Я лично стараюсь средствами вокала, будь то ария, будь то народная песня, прежде всего передать «душу» произведения, выразить правду человеческих чувств. Очевидно, вы согласитесь: наиболее полное слияние с песней возникало у вас тогда, когда, казалось, певец на эстраде вдохновенно импровизирует, поет лишь вам. Легкость, свобода звучания рождает гармонический отклик в сердцах слушателей, вызывают у них желание петь. Мастерство исполнителя, сам образ его должен соответствовать образу и характеру народной песни. Непадаром так популярны в разных концах планеты такие певцы, как Эрнст Буш, как французский шансонье Шарль Азнавур. Кстати, и это тоже очень важно, они своего рода трибуны. В их искусстве музыкальная культура умножается на гражданственный пафос, на взволнованность и проникновенность.

Нельзя забывать и о том, сколь огромна роль слова в русской, в украинской музыке. Вокал для настоящего певца — не самоцель, а средство раскрытия музыкального образа в единстве с драматическим. И тут опять же важно не педантично воспроизвести «букву» произведения, а ярко воплотить его «дух». Тогда концерт превращается в сердечную, душевную беседу исполнителя с залом. Простота, открытость — вот что прежде всего трогает современного слушателя. Эстрадный «нажим», мелодраматический надрыг, развязность могут ошарашить, но не увлечь, не взволновать. Характерно — естественность, человечность песни находят все более глубокий отклик и на родине пресловутого «рока». Популярный сейчас в Америке певец Пит Сигер на вопрос о причинах успеха его песен (в основе народных) ответил: «Люди устали от бессмыслицы, им хочется слышать в песне человеческие слова».

— Оперная молодежь, как известно, не очень активна в пропаганде советской и народной песни. Чем бы вы это объяснили?

— Убежден, что мы излишне опекаем нашу молодежь, приучаем ее к изживенческой, пассивности. Досадно наблюдать среди молодых самоуспокоенность. Необходимо активнее прививать им жажду самосовершенствования, вкус к дерзанию, к поиску вне привычных пределов. Как великолепно сказала об этом замечательная итальянская певица Галли Курчи: «У человека, совершившего восхождение на горный хребет и не видящего вершины более высокой, чем та, где он находится, — нет будущего. Я бы никогда не согласилась быть на его месте». Стремление к совершенству — основа прогресса, основа движения. А песня — могучий помощник тем, кто шагает вперед по жизни, кто строит, борется, побеждает. Пропагандировать ее, нести по земле — высокая честь для каждого из нас, посвятил ли он все творчество жанру песни, делит ли его между эстрадой и оперной сценой!

Записала беседу
Т. МАРЬЯНОВСКАЯ.

ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ

ладая этим чувством, оперный певец может трактовать образы героев, оценивая их глазами современника. Ему, как и любому артисту любого жанра недозволено «изображать» на сцене. Он должен прочувствовать, пережить, глубоко осмыслить судьбу своего героя. Лишь тогда и зритель, и исполнитель поверят в жизненную достоверность образов. А когда стремишься к этой задаче, и песня — не помеха, а подспорье.

— Песня... Согласитесь, это понятие не однородное. Лучшие наши песни поют во всем мире, они подобно знаменам объединяют миллионы людей своей революционной страстью, чистотой, человечностью. Но сколько еще у нас песен-пустышек, песен-одиночек!..

— Полярные, а то и взаимоисключающие тенденции проявляются в любом жанре искусства. Говоря о песне, я менее всего имею в виду подражание западным «шлягерам». В принципе жанр песни на редкость емкий и разнообразен. Он включает произведения самого широкого «назначения» — от походных маршей до танцевальных пьес. Одного же должна разрешать себе песня: быть «глухой», «слепой» к человеку. А именно так происходит в «шлягерах», где ритм превалирует над смыслом. Кстати, подобные «песни» не так безобидны, как может показаться, — они оглушают, опустошают человека.

В зарубежных гастрольных поездках мне не раз приходилось наблюдать, как под выкрики «певцов» толпа молодежи «дергается» в неистовых конвульсиях... Подобные «зрелища» буржуазные социологи объявляют эталоном «массовой культуры». Это же грубейшая фальсификация! Эпидемии истерических мелодий, разухабистых танцев вызываются на Западе искусственно — и не только во имя коммерции, а главным образом с чисто идеологической целью, с целью диверсии против песни, возвышающей человека, зовущей его к свету, к борьбе. Именно потому одна из важнейших задач деятелей советской музыкальной культуры — противопоставить нашу советскую песню проникающим с Запада «обращам». В этом плане мне кажется очень своевременной и весомой беседа на тему «Что поет молодежь?», которую настойчиво, углубленно ведет со своими читателями редакция «Советской культуры». Ведь «изобретать» современную песню, не зная вкусов и стремле-

ремщина. Признаюсь, мне было очень радостно услышать, как участники и гости «ЭКСПО-70» пели ее на японском языке! Песня просветляет душу, рассказывает о созвучии сердец, согретых чистыми помыслами и глубоким, верным великим чувством. Словом, она утверждает благородное духовное начало и этим завоевывает «армию» сторонников. Именно этим объясняется и успех наших украинских песен «Русляк», «Ясени», «Два кольори».

— Во «главу угла» вы вынесли направленность, содержание песни и сказали, что главное в песне — народность. С этим нельзя не согласиться. Но как следует сегодня трактовать понятие «народность»? И вообще, верно ли ставить знак равенства между этим понятием и популярностью произведения? Немало песенок из фильмов, радиопрограмм буквально облетает страну, но на этом основании можно ли относить их к народным?

— Далеко не всегда. Проблема здесь сложна. Не все популярное подлинно народно (кстати, обратили ли вы внимание, что популярность в подобных случаях оказывается скоропреходящей, мимолетной?). Но все подлинно народное популярно десятилетиями и столетиями.

— Обратимся к истории. К таким подлинно великим русским песням, как «Славное море, священный Байкал» или «Из-за острова на стрежень».

Многие считают их «безымянными», родившимися в гуще людской. А ведь у них есть авторы — русские этнографы Давыдов и Садовников. Имена забыты, а песни живы. Живы, потому что народ нашел в них свое, сокровенное, и из поколения в поколение шлифовал песню... Народная песня отнюдь не обязательно анонимная. Но она всегда подсказана мыслями, характером, судьбой народа. Ведь не случайно русские песни так влияли на творчество Кольцова, Некрасова, Пушкина, Есенина, украинские вдохновляли музу Шевченко, Леси Украинки...

На парижских улицах вокруг бродячих певцов даже в туманные холодные дни толпятся люди. Уходя, они уносят с собой полубившуюся мелодию. Чаше всего она несложная, но душевная! И самое существенное — она в лучших обра-